

В.А. Бурнаков

Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: venariy@ngs.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ХАКАСОВ О ДУШЕ

Центральное место в мировоззрении хакасов занимают представления о душе. Считается, что душа является средоточием, критерием жизни; она есть во всем. Именно душа позволяет осуществлять связь всего со всем; эта идея наиболее четко проявляется в представлениях о переходах в иные миры, в практике шаманов и толкованиях снов простых смертных. Прежде чем приступить к характеристике данного феномена в мировоззрении хакасов, необходимо отметить, что трактовка понятия *душа* в традиционном сознании существенно отличается от христианского понимания этой субстанции. Еще в XIX в. известный исследователь Л. Леви-Брюль критически высказывался об использовании термина *душа* при характеристике мышления первобытных людей, т.к. “ощущение сопричастности и единства” с жизненным началом, растворенном в природе, не имеет никакого отношения к “духовному гостю тела”, именуемому *душой* [1999, с. 73–74]. Исследователь этнической культуры хакасов С.Д. Майнагашев отмечал, что «собственно “душа”, как существо, способное жить после смерти человека, имеет несколько названий» [1915, с. 278]. В советской этнографической науке также высказывались мнения о сложности применения термина *душа*, в частности к верованиям тюрков Саяно-Алтая, т.к. он не описывает всех свойств и качеств, которыми наделяет этот феномен архаическое сознание [Алексеев, 1980, с. 21; Дьяконова, 1975, с. 43; Потапов, 1991, с. 27–28]. Наиболее точным, на наш взгляд, представляется определение понятия *душа*, предложенное авторами монографии “Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири...” [1989]. Они рассматривают душу как “жизнедеятельность человека”, которая “выступает как сложное переплетение анатомических характеристик, физиологичес-

ких процессов, менталитета, и все это дополняется социальными характеристиками” [Там же, с. 54–55].

Представления о душе как о жизненно важной силе и функциях человеческого организма фиксируются у очень многих народов. Душа считается одновременно материальной и нематериальной категорией. Определения “материальный” и “нематериальный” применительно к ней имеют условные значения: материальный – воспринимаемый органами чувств человека, нематериальный – не доступный для ощущений человека образ души. Это соответствует понятиям *телесный*, *бестелесный*. В традиционном мировоззрении хакасов тело органически вмещало и олицетворяло различные формы души. Красота внутренняя (душа) и красота внешняя (тело) должны соответствовать друг другу. Именно на это указывает героический эпос при описании своих героев: “Красивый человек, говорят, бывает мудрым” [Анжиганова, 1997, с. 63].

Нерасторжимая связь души и тела отражена в представлении хакасов о том, что душа могла находиться в различных частях тела человека, например в костях – основе человеческого тела. Уязвимость жизни детей и стариков была связана, в частности, с хрупкостью, ненадежностью костей. Шаман, как человек, наделенный сверхъестественными способностями, имел лишнюю кость.

Особенно важным вместилищем души считались большие пальцы рук. В хакасском языке большой палец называется *иргек* – самец и символизирует сакральное мужское начало. При обряде инициации, когда юноша впервые в своей жизни совершал важный поступок – добыл зверя, занимался промыслом ореха, выездил дикого коня и т.д., то старший общины надкусывал ему до крови большой палец (*иргек ызыр-*

ганы) [Бутанаев, 2003, с. 82]. Понятие души семантически связано с категорией счастья. В представлениях хакасов пальцы – одно из мест, где концентрируются душа и счастье человека. Хакасами был выработан ряд запретов, имеющих целью сохранить счастье. Например, запрещалось крутить пальцы, трести ими после умывания – в противном случае счастье могло быть потеряно. Мужчины носили кольцо на указательном пальце правой руки, а женщины – на среднем и безымянном [Там же].

Кость олицетворяет и генетическую связь поколений. Это слово имеет несколько значений, в частности, оно «употребляется еще со смыслом “род” и “порода”, черты которого наследуются по костной основе и крови. Например, беременную называли *iki сооктиг* – имеющая две кости, т.е. носящая свой род и род отца ее ребенка» [Там же, с. 82]. В традиционных представлениях хакасов люди различались по “свойству” кости. Хакасами выделялись следующие ее разновидности: 1) *арыг сооктиг* (букв. имеющий чистую кость) – человек с экстрасенсорными способностями (видение вещих снов, предугадывание судеб людей, лечение); 2) *нишк сооктиг* (букв. имеющий легкую кость), или *нишк чулиг*, – впечатлительный, экзальтированный человек; 3) *аар сооктиг* (букв. имеющий тяжелую кость), или *аар чулиг*, – человек, действующий на других подавляюще и удручающе; 4) *пуртах сооктиг* (букв. с нечистой костью) – обычный человек, не имеющий сверхъестественных способностей. Обладатели “чистой” и “легкой” кости считались *ызык кизи* – священными [Там же, с. 79–80]. Согласно нашим полевым материалам, традиция выделяла категорию людей со слабой костью – *уйан соок*. Считалось, что они слабы и ленивы, некоторые из них находятся в непосредственном “родстве” с горными духами.

Местом локализации души могла являться печень – орган, который, как предполагалось, был связан с функцией воспроизводства [Кызласов, 1982, с. 86–87; Хакасский героический эпос..., 1997, с. 435]. Согласно традиционному миропониманию, “зарождение” ребенка происходит якобы в человеческой печени (*паар*). До сих пор в народе бытует выражение: *Паарымнан сыххан палам* – Мой ребенок, вышедший из печени (Полевые материалы автора. Далее: ПМА, Н.Т. Боргояков, 15.07.2005 г.). Кроме этого, по представлениям хакасов, печень напрямую связана с эмоциональным миром человека (горе, счастье, раздражение, печаль и пр.). В мифоритуальной системе хакасов печени отводилось одно из важнейших мест. В ней хакасы видели не только животворящее начало, но и “охранителя” душ живых и умерших людей. Во время похорон хакасы, прощаясь с покойным, “прислонялись” своей печенью к печени умершего (*паарлан*), чтобы тот не переживал и оставил в покое живых. Вдове, которой обычай запрещал во вре-

мя похорон идти на кладбище, с могилы приносили землю. Горстью принесенной земли она проводила 3 раза вокруг печени и произносила: “Мажу свою печень, чтобы она сильно не ныла!”. Только на седьмой день во время поминок вдова первый раз отправлялась на кладбище. Она сначала ложилась грудью на могилу, а затем горстью земли также обводила 3 раза вокруг своей печени. Близкие родственники умершего 40 дней не употребляли в пищу печень, ибо верили, что покойники испытывают боль. На седьмой день поминок они брали со стола с яствами печень и обводили ею вокруг своей груди с пожеланиями: *Пары тугенмезин!* – Пусть не истощится его печень от горя и печали! [Бутанаев, 2003, с. 78].

Вместилищем души были также волосы. Поэтому волосы и брови нередко называли *ымай сазы* – волосы, данные богиней *Ымай* [Там же, с. 84]. “За волосами (*сас*) ухаживали только днем. Ночью запрещалось их расчесывать, ибо в это время под корнями волос находится жизненная сила – *хут*, которую живые боялись потерять” [Там же]. Данные воззрения, вероятно, легли в основу запрета хакасским женщинам выходить на улицу с непокрытой головой.

Первая стрижка волос младенца являлась ритуалом приобщения к Среднему миру; стрижка волос древних стариков символизировала их скорый уход в Нижний мир [Анжиганова, 1997, с. 63–64]. Вполне возможно, что в хакасских представлениях душа ребенка до года была тесно связана с Верхним миром, поэтому младенец считался еще до конца неотделимым от сферы природного, нечеловеческого. Согласно традиционным представлениям, ребенку до года не стригли волосы и ногти. Первые состриженные волосы бережно заворачивали в ткань и хранили в шкатулке вместе с пуповиной и т.н. рубашкой [Бутанаев, 1988, с. 217].

Считалось, душа, несмотря на свою нематериальность, напрямую зависела от существования материальных предметов. Хакасский этнограф С.Д. Майнагашев по этому поводу писал: «Начну с терминов для понятий “души”. Их несколько. Один из этих терминов “тын” значит и душу, и жизнь. Говорят “тын узулду”, прервалась его жизнь. Тын многих героев богатырских поэм бывает заключен в какой-нибудь вещи – в складном ножичке, иголке или даже животном, например змее, которые, в свою очередь, бывают скрыты в особенно недоступном месте. Нельзя убить героя, прежде чем не будет уничтожена, разломана вещь или убито животное, где был заключен тын. Вместе со смертью человека уничтожается и тын или, вернее, оттого и умирает человек, что уничтожается его тын. Тот же корень имеет слово “тыныс” – дыхание; это объясняется, вероятно, тем, что жизнь обусловлена дыханием» [1915, с. 278]. Исследователем была отмечена первая составляющая понятия

души – *тын*. В тюркской ритуально-мифологической традиции *тын* – одна из важнейших характеристик жизни, начало жизни. С помощью этой лексемы обозначалось все живое на земле, будь то растение, животное или человек; ее же использовали для наименования души фольклорных персонажей [Традиционное мировоззрение..., 1989, с. 80]. Известный тюрколог Н.А. Баскаков, анализируя данный термин, писал: «...этимология этого слова (тын. – **Б.В.**) тесно связана с понятием “дух, дышать, дыхание, душа”, т.е. это слово является прямым аналогом русского слова “душа”» [1973, с. 109]. В традиционной культуре тюркских и монгольских народов понятие *дыхание* различалось по своим характеристикам. Считалось, что у представителей Среднего мира было теплое дыхание, Нижнего мира – холодное. *Тын* человека имело сакральную связь с ветром. По материалам В.Я. Бутанаева, “Белый творец *Ах Худай* передал ее людям от дуновения ветерка (*тан*), гуляющего над бьющим из-под земли источником” [1996, с. 176]. *Тын* олицетворяет дыхание, а также речь и голос. Утрата голоса воспринималась как потеря части души. Голос нужно беречь, его могут унести духи, например, в тайге, если кричать или откликаться на чей-либо зов. Нельзя было кричать на закате или ночью [Анжиганова, 1997, с. 65]. Таким образом, слово “тын” имеет следующие основные значения: дыхание, дух и душа, которая является нематериальной субстанцией, неотторжимой при жизни человека. Лишившись ее, человек умирает. В разговорах хакасов часто можно услышать такие выражения: *тынны пирібіскен* – отдал *тын* (душу); *тынны сала узіл парбады* – *тын* едва ли не оборвалась; *тынны узіл парган* – *тын* оборвалась; *тынны сыхты* – *тын* вышла. По сообщению информанта, “*тын* – душа, которая связана с дыханием. Если дыхание человека прекратилось – *тынны узіл парган* (букв. оборвалось дыхание), то это означает, что *тын* покинула человека и тот умер” [Бурнаков, 2003, с. 16]. Понятие чистоты *тын* у хакасов восходило к категории высокой духовности, что нашло свое отражение в выражении *арыг тын* – священная душа [Бутанаев, 1999, с. 162].

Несмотря на свою “нематериальность”, *тын* могла проявляться и в виде материальных объектов. Хакасы представляли ее в виде ниточек. “В одной семье сильно заболел годовалый ребенок. Кто-то посоветовал для излечения ребенка поставить на стол стакан воды. Так и сделали. Вдруг вода в стакане ни с того, ни с сего три раза плеснулась. У ребенка изо рта стали выходить *чибектер* (нитки) красного, синего и зеленого цветов. Как они вышли, ребенок умер” [Бурнаков, 2003, с. 16].

Хакасы нередко соотносили *тын* с понятием *кізінін ээзі* (хозяин человека). Считалось, что при тяжелой продолжительной болезни *кізінін ээзі* поки-

дает человека и “уходит на тот свет”. Перед уходом этой души человек начинает тяжело дышать. По народным поверьям, у хороших, добрых людей *тын*, кружась, вылетает изо рта в виде нитки. У плохих, злых людей нить выползает [Там же].

Таким образом, душа-дыхание считалось наиболее явным и важным признаком жизненного процесса. “Уход” души *тын* – означал прекращение жизнедеятельности, признаком которого, как известно, является прекращение дыхания. *Тын* как явление, присущее всему живому, обладало универсальным свойством придавать всему сущему качество жизни – *хут*. В мифологическом сознании хакасов *тын* и *хут* нередко выступают как взаимодополняющие понятия. “*Хут* и *тын* – это две частицы одного человека. *Хут* летает, как птичка” [Там же].

Хут считалась важнейшей категорией души живого человека. С.Д. Майнагашев, раскрывая понятие души, отмечал: “...хут – душа живого человека; если она покидает его, человек начинает болеть, а если не возвращается вовсе, человек умирает” [1915, с. 278]. Стоит отметить, что *хут* (*кут*) – общетюркское слово. В древнетюркском языке оно имело такие значения: 1) душа, жизненная сила, дух; 2) счастье, благо, благодать, благополучие, удача, успех, состояние блаженства; 3) достоинство, величие [Баскаков, 1973, с. 109]. В хакасском языке *хут* – “душа, дух, жизненная сила” [Там же]. Семантическое поле морфемы *хут* соотносилось с телесным порождающим низом [Традиционное мировоззрение..., 1989, с. 73]. В хакасском языке мужской половой орган носит название *хутах* (*худах*) [Бутанаев, 1999, с. 197]. В мифоритуальной традиции *хут* – это своего рода мера соучастия природы в реальном рождении, восполнении собственной потенции живого, человека [Традиционное мировоззрение..., 1989, с. 73]. Про мужчину, который провел любовный акт с женщиной, хакасы говорили: *ипчінын худын хапты* – вкусил женскую сладость (*хут*. – **Б.В.**) [Бутанаев, 1999, с. 197]. Согласно представлениям хакасов, у молодого человека имеется семь *хут* – *чиит кізінін читі хут полча*. Это, по словам шаманки Сарго, позволяет молодому человеку жениться до семи раз [Бурнаков, 2003, с. 17].

Хут выполняла жизнеобеспечивающую функцию. Люди верили в возможность перемещения и локализации этой жизненной силы в теле человека в зависимости от времени суток. “Днем она находится под ногтями ног, а ночью прячется под корнями волос головы. Поэтому днем нельзя стричь ногти ног, а ночью расчесывать волосы, иначе потеряешь *хут*” [Бутанаев, 1996, с. 176].

Согласно мифам, *хут* получали из небесного Молочного озера; она чиста как молоко. Характеристиками *хут* были абсолютная ценность, сравнимая с серебром-золотом, светоносность. “Все в мире имеет

хут, в том числе и священная земля тюрков, которую особенно важно хранить в чистоте и силе” [Традиционное мировоззрение..., 1989, с. 78]. Считалось, что жизнеспособность народа напрямую зависит от силы родной земли, которая определяет и *хут* самого этноса. Еще В.В. Радлов отмечал, что “эта земля так близка человеку, так по своей природе даже родственна ему, что он может без боязни обратиться к ней. Поэтому каждый человек приносит Йер-су жертвы и дары, дабы проявить свою благодарность и почитание. Восхвалять ее в песнях и благочестивых речениях и почитать ее может каждый без всякого для себя ущерба” [1989, с. 365].

Представление о глубинной связи *хут* с родной землей отражено в верованиях хакасов о том, что *хут*, прежде чем окончательно покинуть тело и “уступить” место существованию “я” человека в форме *сюрню*, “прощается” с родной землей. У хакасов широко распространены мифы-былички о том, как люди видят душу человека, который недавно умер или умрет в скором времени. “Двое охотников возвращались с промысла. Шли очень долго. Уже начало садиться солнце. Проходят мимо поляны и видят красивую девушку. Она собирала цветы и пела грустную песню. В этой песне она прощалась с солнцем, с цветами и деревьями. Пела так красиво, что ее пение доходило до глубины души. Эта девушка сильно понравилась молодому охотнику. Он захотел ее позвать, чтобы она пошла вместе с ними. Старый охотник его остановил. Объяснил, что это не простая девушка. Потому что ни одна девушка не будет ночью в лесу петь песни. Это душа девушки прощается со своей родиной, и ее ни в коем случае нельзя тревожить. Охотники дошли до своего селения. А там все ходят печальные. Они спросили у людей, почему они такие грустные. Им ответили, что умерла очень красивая, хорошая девушка. Охотники вошли в дом, где лежала покойница, и увидели ту самую девушку, которая пела на поляне” (ПМА, М.Н. Мамышева, 13.09.1998 г.).

По воззрениям хакасов, *хут* человека во время сна могла покидать хозяина. “Душа спящего человека, – отмечал Н.Ф. Катанов, – вылетела из рта, залетела на верхушку лиственницы и оттуда влетела в дупло дерева, вышедши оттуда, опять вернулась; после этого вошла в рот спящего человека. Этот человек поэтому проснулся” [1907, с. 209]. Во время своего путешествия *хут* могла потеряться, в результате чего человек умирал. В этой связи представляет интерес следующая быличка: “Две девочки отправились в горы на поиски бычков. Вместе с ними пошла собака. Очень долго искали. Уже стемнело. Девочки стали возвращаться домой. По дороге услышали чей-то протяжный голос: *Ал-ха-ла-нар!* – *Возьмите меня с собой!* Собака идет на 2 м впереди и лает. Девочки перепугались. Одна предложила громко свистнуть,

но вторая уговорила этого не делать. Они вернулись домой и рассказали об этом. Старики сказали, что слышали голос потерявшейся души – *хут*. Если бы они откликнулись, то она пошла бы с ними и вернулась бы к своему хозяину. Но так как этого не произошло, то в скором времени должен кто-то умереть. Действительно, в этой деревне умер человек” (ПМА, А.А. Кичеева, 14.09.2000 г.).

В целях предотвращения утери или похищения жизненной силы ребенка над изголовьем его колыбели и под воротник рубашки пришивали раковины каури, которые якобы притягивают *хут*. Кроме того, под воротником одежды и на манжетах рукавов оставляли *несшитые места* – *хут сынычан* (букв. место, куда льнет душа). Считалось, что *хут* возвращается к человеку. И после смерти их зашивали [Бутанаев, 2003, с. 86].

Согласно архаическим представлениям, *хут* тесно связана с божеством *Умай* (*Ылмай*), которая воспринималась как небесная мать. К ней обращались со словами: *Ылмай-иче хайрахан* – Госпожа-мать *Умай*, *Ылмай-иче – Пай-иче* – Богиня-мать *Умай* – священная мать [Бутанаев, 1999, с. 230]. Традиционному сознанию удалось связать воедино жизнь людей и сакральную силу божеств Верхнего мира [Традиционное мировоззрение..., 1989, с. 101]. Женщина-мать, давшая жизнь ребенку, хакасами в определенной степени, вероятно, отождествлялась с *Ылмай* не только как с подательницей тела, но и души. Души матери и ее ребенка считались едиными. Пожилая хакаска объясняла: “У каждого человека имеется всего полдуши. Вторая половина души находится у той женщины, которая родила этого человека, то есть у матери. Мать оберегает ребенка еще и своим духом”. Под этим материнским покровительством чадо находилось до тех пор, пока не выходило из категории детей [Бурнаков, 2003, с. 17].

По древней традиции в случае бесплодия женщины хакасы устраивали обряд *Ылмай тартар* (притягивание *Ылмай*). Камлание богине *Ылмай* совершалось в ночь на девятый день новолуния. Для этого обряда юрту, в которой жила бесплодная женщина, украшали девятью шелковыми платками, в нее ставили разукрашенную ленточками белую березку, закалывали жертвенного белого барашка и готовили обрядовую пищу. Шаман мысленно отправлялся вместе со своими духами через дымовое отверстие юрты ввысь, летел через высокие горные хребты, реки и моря. Наконец, он попадал на священную гору *Ылмай-тасхыл*. Богиня *Ылмай* встречала шамана и после долгих уговоров давала ему душу ребенка в виде коралловой бусинки (девочка) или стрелы (мальчик). Прикрепив ее к бубну, шаман возвращался назад. Затем он стряхивал душу ребенка в приготовленную чашу с молоком и давал все это

выпить женщине, чтобы та стала беременной. Шаман предсказывал внешний вид, особенности и судьбу будущего ребенка [Бутанаев, 1996, с. 178]. *Ымай* призывали следующими словами: *Хуайах, хрю-хрю, Ымай-ичек* (ПМА, А.С. Кайнакова, 11.10.2001 г.). По словам информантов, “при рождении ребенку перерезали пуповину, клали ее в кожаный мешочек, вырезанный в форме сердца, и зашивали. Для того чтобы отпугнуть злых духов, под подушку девочкам клали ножницы, а мальчикам – нож или ремень. Считалось, что в ремне находится жизненная сила будущего мужчины. Этими же предметами *Ымай-иче* охраняла ребенка. *Ымай-иче* есть у каждого ребенка. *Ымай-иче* угощали кашей и молоком” (ПМА, Л.А. Чепчигашева, 07.08.2000 г.).

Слово “*ымай*” у хакасов имеет много значений. Оно является именем богини – покровительницы деторождения, а также обозначает: пуповину, родничок головы ребенка, послед, душу грудного ребенка (*ах ымай, хара ымай*), фетиш (*чек ымай, ымай-тес*) [Бутанаев, 1999, с. 230]. Остановимся на значении *ымай* как души (или жизненной силы) грудного ребенка. Согласно традиционным представлениям, с рождением ребенка появляется его *ымай*. Когда малыш выходил из грудного возраста, т.е. после двух-трех лет, *ымай*, в представлении хакасов, превращалась в *хут* – жизненную силу взрослого человека. Считалось, что *ымай* находится у пуповины или под родничком головы ребенка [Бутанаев, 1984, с. 93–94]. Старики нередко называют ребенка *час ымай* [Бутанаев, 1999, с. 230] и говорят: *Паланан хада торепчен ниме Ымай полча* – То, что рождается вместе с ребенком, называется *Ымай* [Бурнаков, 2003, с. 18]. По народным представлениям, “*Ымай* – это душа новорожденного ребенка. Если ребенок улыбается, значит *Ымай-иче* его веселит, если же он плачет и болеет, – от него ушла *Ымай-иче*” (ПМА, А.Н. Боргояков, 03.05.2000 г.). Считается, что *хут-ымай* (душу-*ымай*) может притягивать шаман. Если шаман заберет у ребенка *Ымай*, то тот умрет. Шаман способен передавать *Ымай* одного ребенка другому (ПМА, Е.К. Арчимаев, 24.07.2001г.). Хакасские шаманы говорили: *Тадар умайын айадым, хазах умайын таладым* – Я пожалел душу хакасского ребенка, я украл душу русского ребенка. Процесс передачи шаманом души ребенка женщине, которая должна родить, называется *омайны урарга* – вливать душу младенца. После передачи души шаман “закреплял” плод ребенка у беременной – *ымай пиктирге* [Бутанаев, 1999, с. 230]. Хакасы выделяли две души ребенка. Душа живого ребенка (белая) называлась *ах ымай*, а душа умершего (черная), приносящая вред, – *хара ымай*. Если в семье часто умирали дети, то это объясняли тем, что в жилище обосновалась *хара ымай* – черная душа умершего ребенка. В таком случае совершали обряд изгнания черной *ымай* –

хара ымайны сердирерге, а затем обряд подавления *ымай* – *ымай чабырарга*. Шаман должен был изгнать из юрты *хара ымай* и притянуть *ах ымай* – белую *ымай* [Бутанаев, 1984, с. 99–102].

У тюрков Южной Сибири существовало представление о связи молока и *хут* как жизненной субстанции. Согласно традиционному мировоззрению, молоко являлось средством передачи *хут*, оно “как бы само превращалось в оплодотворяющую субстанцию, аналогично, вероятно, мужскому семени” [Традиционное мировоззрение..., 1989, с. 74]. С представлением о том, что души умерших маленьких детей могут снова родиться в виде людей, был связан обряд, которым сопровождается вынос тела умершего ребенка: «В чашку наливают молока, и какая-нибудь пожилая женщина обносит это молоко вокруг тела три раза со словами: “не уходи совсем, возвратись!”. После этого молоко дают выпить матери. Смысл обряда ясен: хотя звать душу ребенка, чтобы она снова родилась от той же матери» [Майнагашев, 1915, с. 292]. Молоко выполняло не только “оплодотворяющую”, но и охранительную функцию. Ритуальное молоко, которым обносят покойника, чтобы он не забрал душу живого человека, хакасы называют *хурайлаан сют* [Бутанаев, 1999, с. 125].

В шаманистических воззрениях с категорией *хут* соотносилось понятие *чула*. С.Д. Майнагашев полностью их отождествляет. Он пишет: “Эта ее душа (*хут*. – **Б.В.**) в шаманских песнопениях носит название *чула*. Под таким названием шаман возвращает ушедшую душу больному” [1915, с. 278]. В.Я. Бутанаев дополняет сведения о *чула*. Исследователь соотносит *чула* с *харах оды* – огнем глаз. “Ночью она (*чула*. – **Б.В.**) в образе светящейся фигуры может на время покинуть человека и путешествовать по селению. Поэтому запрещали закрывать голову одеялом, а тем более ложиться с грязным лицом. Душа *чула*, вернувшись после ночной прогулки, может не найти любимого лица или, еще хуже, испугаться грязного вида хозяина. В таком случае человек может потерять зрение. Для возвращения *чула* обращались к *хаму* (*шаману*. – **Б.В.**)” [1996, с. 176].

Особую душу – *мыгыра* – имел шаман. Это была жизненная сила, которую он якобы получал от своего владыки при первом посещении мифической столицы шаманов *Хам ордазы*. *Мыгыра* пряталась внутри своего родового дерева. Если второй шаман найдет ее и проглотит, то неминуема смерть исконного владельца. Кроме индивидуальной души, каждый род – *сеок* – имел родовую душу *сеок чулазы*, которая находилась в определенной породе деревьев [Там же, с. 176–178].

Другим важным духовной составляющей человека является *сюрюн* (*сюрюн или сюне*). С.Д. Майнагашев предложил следующее объяснение этому понятию: “Когда человек умирает, душу его назы-

вают суне, или сюрню. Но это лишь в продолжение известного периода, который определяется временем совершения по умершему поминанок” [1915, с. 278]. Н.А. Баскаков расширил понимание этого феномена: «душа *süne*, имеющая общее значение “души человека”. Это обозначение в одинаковой степени применимо к душе живого и умершего человека» [1973, с. 109]. Стоит сказать, что категория *сюрню* несла полисемантическую нагрузку. Этим термином хакасы обозначали: 1) поминальную часть души умершего и образ покойного; 2) психику, моральное состояние; 3) характер человека [Бутанаев, 1999, с. 124–125]. “После смерти человека, – отмечает В.Я. Бутанаев, – его душа – *чула* – уходит из навечно закрытых глаз и превращается в поминальную душу сюрню, или суне” [2003, с. 86]. В зафиксированных нами представлениях хакасов о душе нередко прослеживается слияние понятий *сюрню* (*суне*) и *хут*; гранью, разделяющей их, была сама жизнь человека. “У каждого человека есть *хут* – душа. Человек умрет, а она ходит. У одной женщины двадцать лет назад умер муж, но он до сих пор является ей во сне, хотя она о нем и думать-то забыла. Каждый раз, когда он являлся, хотел забрать ее к себе. *Хут* представляет собой полную копию человека, вот только лицо плохо видно. Обычно не разговаривает, хотя бывает, что некоторые люди слышат ее речь. У хороших, чистых людей после смерти она превращается в птичку. Плохие, грешные люди никогда не смогут стать птичкой. Они на том свете сильно мучаются. Был случай. Жена отравила своего мужа. На том свете ее обвинили в убийстве, и она там сидит в тюрьме” (ПМА, Р.М. Кичеева, 13.05.2000 г.). Полученные нами сведения подтверждают толкование *сюрню*, предложенное С.Д. Майнагашевым. Наши информанты поясняли: “Душа живого человека называется *хут*. Когда же человек умирает, тогда душу называют *сюрню*, она ходит по родным местам, навещает родственников” [Бурнаков, 2003, с. 17].

В представлениях хакасов *сюрню* как не относящаяся к категории живого человека лишалась способности вербального общения. “Душа никогда ни с кем не разговаривает. До сорока дней она ходит по родным местам, прощается с людьми. Некоторым людям удастся ее увидеть” (ПМА, А.А. Бурнаков, 12.07.1998 г.). По словам информантов, дети иногда видят *сюрню* по ночам возле дома, где жил человек. По внешнему обличению призрак (*сюрню*) ничем не отличается от живого человека. Одежда на нем обычная, как и у всех людей, но глаза без “живого огня”, излучают грусть и печаль.

Сюрню как посмертное состояние человека, окончательно не ушедшего в иной мир, нуждается в заботе людей; если ее не “кормить”, то можно навлечь беду. Во время поминанок *сюрню* “кормится” гарью (*хуюх*) сжигаемой на огне жирной пищи. В этот час из юрты

уводили всех детей, открывали двери и соблюдали тишину. Традиция предписывала в поминальную ночь в честь умершего брызгать вином в сторону порога юрты, в которой он жил [Бутанаев, 2003, с. 87]. Наши информанты отмечали: “*Сюрню* требует, чтобы ее вспоминали и кормили – бросали в огонь кусочки пищи. Если этого не делать, то *сюрню* может прилететь в виде вихря и забрать чью-либо душу” (ПМА, Ф.Е. Боргоякова, 17.09.2000 г.).

В традиционных представлениях хакасов идея души (как *хут*, так и *сюрню*) получила воплощение в образе вихря: умерший человек становится *хуюном*-вихрем (ПМА, 2000–2002 гг.), *хуюн істінде кізі пырлахтанча* – внутри вихря вращается человек (ПМА, шаманка Тади Семеновна Бурнакова, 11.10.2001 г.). Считалось, что находящийся внутри вихря человек маленький и черненький. Играя, он появлялся во многих местах. Пожилая хакаска рассказывала: “Мать мне говорила, что после смерти (умершая) придет к нам в виде вихря и его не надо бояться. Действительно, все случилось так, как она сказала” (ПМА, М.Х. Боргоякова, 11.10.2001 г.). По движению вихря определяли принадлежность души живому или умершему человеку. Принято считать, что если вихрь движется по солнцу, – значит, это душа живого человека, если же против солнца, – душа умершего человека; она уходит в гору на кладбище.

Важное место в традиционных представлениях отводилось толкованию сновидений – *тус*. Снам верили, по ним предсказывали будущее. Считалось, что есть люди, которым снятся вещие сны (*хасна тус*). Перед важными событиями специально ложились спать в обеденное время (*тусмурге*), дабы предугадать результаты и последствия. Хорошие сны нельзя было рассказывать посторонним людям, иначе они не сбудутся. Особенно остерегались рассказывать свой сон вдовам и вдовцам (*саарсых кізі*) [Бутанаев, 2003, с. 91–92]. Хакасы верили, что во время сна возможен контакт с душой умершего человека. «У меня умерла дочь, – рассказывала информант. – На родительский день мой муж очень рано проснулся и стал готовиться, чтобы идти на кладбище. Когда я проснулась, он рассказал мне свой сон. Видит, на горе стоит дочь с какой-то девочкой. Он им говорит: “Что там стоите? Идите ко мне!”. Еще спросил у незнакомой девочки: “А ты чья будешь?”. И как только они подошли к двери нашего дома, сразу же превратились в вихрь и улетели» (ПМА, В.И. Ивандаева, 20.08.2001 г.).

По хакасским воззрениям, душа умершего человека в виде вихря могла забрать с собой души живых людей. Особенно уязвимыми считались дети. Это представление хорошо иллюстрируется следующим мифологическим рассказом: “Дети пошли искать корову. Проходили мимо старого кладбища, которое находилось на горе. Вдруг они заметили человека,

который вылетел со стороны кладбища. Он летел кружась, словно вихрь. Дети перепугались и залезли на стог сена, а один не успел. Человек-вихрь схватил мальчика, бросил его на землю, наступил на него и внезапно исчез. Этот мальчик еле дошел до дома. Вскоре заболел и умер. Человек-вихрь был душой злого человека, которая превратилась в *айна* (злого духа)” (ПМА, В.И. Боргоякова, 12.07.2001 г.).

Согласно традиционным представлениям, злые духи боятся острых предметов; чтобы вихрь не сделал человеку ничего плохого и прошел стороной, произносили слова: *нычах-малты* – нож-топор. Считалось, что если вихрь подлетит к какому-либо дому, то там скоро кто-нибудь умрет. Поэтому при приближении вихря в него следовало плюнуть и держать при себе какой-либо острый предмет. Нередко хакасы бросали в вихрь нож. В этой связи интересен следующий миф: «*Хуюн* (вихрь) – это человеческая душа. Как-то раз к одному охотнику подлетел *улуг хуюн* – большой вихрь. Мужчина бросил в него нож. Вихрь исчез, а нож пропал. Охотник пошел в тайгу и увидел костер, возле которого сидел старик. Он подозвал охотника и сказал: “Садись!” Старик держал в руках пропавший нож охотника. Затем он сказал: “Вот этот нож ты бросил в меня”. И тут же исчез» (ПМА, В.С. Бурнаков, 20.07.2000 г.).

Как уже отмечалось, душа умершего человека, сделавшего в жизни много зла, могла превратиться в *айна*. “Умерший человек часто превращается в *айна*. Живые люди тоже могут превратиться в *айна*, если будут пить спиртное и ссориться с людьми. Каких только разновидностей *айна* не бывает!” (ПМА, шаманка Тади Семеновна Бурнакова, 11.10.2001 г.).

В хакасской мифологии выделяется такая разновидность души, как *хубай* – неприкаянная душа погибшего вдали от родного дома человека. Считалось, что *хубай* человека, умершего насильственно, не находит себе покоя в загробном мире и продолжает бродить на месте своей гибели. Ночью она преследует путников в образе желтой собаки. Традиция предписывала на таком месте совершить специальный обряд с целью пригласить душу – *хубай* – вернуться к своему пепелищу [Бутанаев, 2003, с. 87–88].

Душа ребенка, не родившегося вследствие прерывания беременности, у хакасов называется *аан*. Так же называют души замученных животных [Там же, с. 88]. По данным хакасского фольклора, существует душа-тень человека – *колетки* [Там же, с. 89].

Традиционное сознание хакасов выделяло *харан* (*харазы*) – черную часть души умершего. Иногда этим словом обозначали нечисть вообще [Бутанаев, 1999, с. 180]. Как сообщают информанты, “у умершего человека остается *харан*” (ПМА, шаманка Сарго Павловна Майнагашева, 15.10.2001 г.); “*харазы* – это душа умершего человека, которая не ушла в другой

мир, а осталась дома. Она приносила болезни всем живым. Из-за нее люди даже могли умереть” (ПМА, Н.Т. Боргояков, 10.10.2001 г.). В целях избавления от *харан* специально приглашали шамана, который проводил камлание. По рассказам стариков, *харан* могла появиться в тайге в образе медведя и зайца [Бурнаков, 2003, с. 17–18].

Харан – черная, посмертная душа человека. Хакасы видели в ней причину подавленности членов семьи умершего. Воздействием *харан* традиционное сознание объясняло внезапную смерть человека [Традиционное мировоззрение..., 1989, с. 105]. Считалось, что не все умершие оставляли после себя *харан*.

Среди северных хакасов бытовало представление еще о двух видах души умершего. Одна называлась *ёён*, она оставалась якобы вместе с трупом стеречь останки, другая – *ибіртки* (букв. обходящая), в течение 40 дней она обходила все места, где побывал ее хозяин, а затем отправлялась на божий суд [Бутанаев, 1989, с. 107].

Хакасы выделяли такую духовную составляющую человека, как *чаан*. Она отвечала за эмоционально-чувственную сферу человека. Тоскуя по любимому человеку, хакасы говорили: *Чааным ачыпча* (букв. на душе скребет). Назойливого, надоедливого человека определяли фразой: *Пу кізі минін чааныма кірді* (букв. этот человек лезет в *чаан* (душу)). Подобным выражением обозначали продолжительную болезнь: *Пу агырыг минін чааныма кірді* – эта болезнь совсем извела мою душу. Слово “чаан”, обозначающее душу, широко распространено в языках тюркских народов. Этнограф М.А. Корусенко отмечает: “Термины, обозначающие душу у сибирских татар, чан/ян/джан бытуют во многих современных тюркских языках (ср., например: каз.-тат. – жан, казах., киргиз. – жан, узбек. – жон, турецк. – сан в этом же значении) и восходят к заимствованиям из персидского через арабский язык” [2004, с. 206]. Исходя из характеристик ситуаций, в которых хакасами использовалось это слово, можно предположить, что местом нахождения *чаан* являлось сердце. Не исключено, что последнее отождествлялось с *чаан*.

Юзют считалась душой окончательно умершего человека, приобщившейся к невидимому миру духов. Давая объяснение этой субстанции, С.Д. Майнагашев писал: «На последних поминках через год после смерти человека с ним прощаются, с тем чтобы больше не иметь никаких сношений. После этого теряется всякая связь между живыми и умершими. Последний становится на общее положение душ умерших и носит название “юзют”» [1915, с. 278]. Согласно традиционным воззрениям, *юзюты* находятся в подземном царстве Эрлика и являются его слугами. В виде вихря или злого духа они посещают живых людей, могут проникнуть внутрь человека и вызвать болезнь [Бас-

каков, 1973, с. 111]. В традиционном сознании эта по- смертная душа представляла в виде ночных бабочек – *юзют хубаганы* [Майнагашев, 1915, с. 291].

По народным представлениям, *юзютам* принадлежали некоторые виды деревьев. О них В.Я. Бутанаев пишет: «По островам рек растет ольха – кустарник с красной корой и синими ягодами, называемый “*юзют агазы*”. Его нельзя трогать детям, иначе в дом явится *юзют* и могут погибнуть родители. Тем более этим кустарником нельзя топить печь или стегать скотину» [2003, с. 96–97]. Пожилые люди в наши дни не нарушают эти запреты. “Дерево *юзютов* – *юзют агазы* – ярко красное. Ходить вблизи этого дерева и держаться за него запрещается” (ПМА, Н.Т. Боргояков, 10.10.2001 г.).

По представлениям хакасов, у каждого человека имеется *хагба* – ангел-хранитель, душа-хозяин человека, оберег, дух, толкающий человека на непредвиденный поступок [Бутанаев, 1999, с. 170]. Наши информанты отмечали: “У каждого человека есть *хагба*; у кого-то он маленький, у кого-то – побольше” (ПМА, шаманка Сарго Павловна Майнагашева, 15.10.2001 г.). Человек с большим, сильным *хагба* по своим способностям приближается к шаману: *улуг хагбалыг кізі хам чілі корче* – человек, имеющий великого ангела-хранителя, видит, как шаман. К человеку, имеющему ангела-хранителя, шаман близко не сумеет подойти (*хагбалыг кізе хам чагын кір полбинча*) [Там же].

Считалось, что такие люди могут предвидеть будущее по своим снам: *хагбалыг кізі тус чиринде коп ниме пілче* – человек с *хагба* получает во сне много знаний (ПМА, Силька Сунчугашев, 09.10.2001 г.). Видимо, не без влияния дуалистических верований (в т.ч. христианства) представления о *хагба* эволюционировали в представления об ангелах. “У человека есть два ангела; один в белой одежде, а второй – в черной. Они делят его душу. Если в душе больше добра, то ее забирает белый ангел, а если больше зла, то черный ангел” (ПМА, В.И. Ивандаева, 20.08.2001 г.). По народным представлениям, у мужчин *хагба* располагается на правом плече, у женщин – на левом, поэтому мужчинам нельзя плевать через правое плечо, стегать плеткой коня с правой стороны и т.д., иначе можно задеть своего спутника – *хагба*. Традиция предписывала почитать своего невидимого защитника, поэтому во время застолья остаток вина из первого бокала выплескивают через соответствующее плечо для *хагба* [Бутанаев, 2003, с. 88].

Аналогом *хагба* выступают *айгах* – ангел-хранитель счастливого ребенка, защищающий его всю жизнь, а также *тегир* (*тигир*) – ангел-хранитель мужской души [Там же, с. 89–90]. Согласно традиционным представлениям, у раздражительного и темпераментного человека злобный спутник – *хыпчы*; он подобно бесу толкает хозяина на необдуманные поступки и пре-

ступления. Как правило, у выпившего человека *хыпчы* проявляется в виде пьяной дури [Там же, с. 90].

Хакасы верят в существование у каждого человека своеобразной защитной ауры – *хуйах*. От пожилых хакасов можно услышать такие выражения: *хуйагы прай кізінін пар* – *хуйах* есть у каждого человека (ПМА, З.А. Ахпашева, 08.08.2001 г.); *кізінін хуйагы, ол кізіні арачылып хадарча* – *хуйах* человека бдительно (заботливо) его охраняет (ПМА, З.С. Ултургашева, 05.10.2001 г.); *кізіні алчурчен хуйах* – человеку дающий силы (носящий) *хуйах* (ПМА, М.В. Патачаков, 20.08.2001 г.); *хуйах кізіні хайраланча, ол кізінін хада чорча* – *хуйах* человека оберегает, постоянно с ним находится (ПМА, А.С. Кайнакова, 11.10.2001 г.). Считалось, что у каждого человека от рождения свой *хуйах*; все они различаются по силе. “Тот человек, у которого *хуйах* слабый, долго жить не будет. *Хатыг хуйахтыг кізі манат чуртанча. Хуйагы чох кізі чуртан полбинча* – человек с твердым *хуйах* хорошо живет. Человек без *хуйах* не может жить. *Хатыг хуйахтыг кізе хомай ниме чаган кил полбинче пірде* – к человеку с *хатыг хуйахом* никогда, ничто плохого не пристанет” (ПМА, А.С. Кайнакова, 11.10.2001 г.). Согласно традиционным воззрениям, сила *хуйах* определялась чистотой помыслов самого человека: *хатыг сагыстыг* – *хатыг хуйахтын, чимчех сагыстыг* – *чимчех хуйахтыг* – у человека с хорошими (твердыми) мыслями – сильный (твердый) *хуйах*, у человека с неопределенными мыслями (мягкими) – слабый (мягкий) *хуйах* (ПМА, Е.Н. Мамышева, 20.08.2001 г.).

По хакасским поверьям, человек с *хатыг хуйах* не уязвим для злых сил и даже во сне он никому не поддается. Считается, что такому человеку ни один шаман ничего не может сделать плохого. Информант рассказывал: “Жила одна старуха. Она постоянно вредила людям, особенно любила насыпать болезни на детей. Однажды старуха пришла в дом, где жила женщина с *хатыг хуйахом*. Старуха хотела насыпать болезнь на детей этой женщины. Женщина не позволила это сделать и прогнала ее. Ночью видит сон. К ней пришли два здоровых полуголых мужика. Женщина их схватила, связала, а потом убила. В скором времени старуха заболела и умерла. Эти мужики были *тёсями* (духами-помощниками) этой старухи” (ПМА, М.Х. Боргоякова, 11.10.2001 г.).

По убеждению хакасских стариков, человек с *хатыг хуйахом* по своей внутренней силе близок шаману: *хатыг хуйахтыг кізі хамга туй полча* – человек с *хатыг хуйах* похож на шамана (ПМА, М.В. Патачаков, 20.08.2001 г.). Как полагают хакасы, человек с *хатыг хуйах* никогда не болеет. Даже *айна* (злой дух) не может ему сделать ничего плохого. Считается, что такой человек обладает способностью видеть то, что недоступно обычным людям: *хатыг хуйахтыг кізі пиди хараа чорче, прай ниме кюрселчи* – когда человек

с *хатыг хуйаахом* идет ночью, то все (т.е. различных духов) замечает (ПМА, А.С. Кайнакова, 11.10.2001 г.).

Согласно рассказам пожилых хакасов, *хуйах* может отделяться от человека и самостоятельно ходить: *хуйах* иногда пугает людей, одевшись в старую рваную одежду (ПМА, А.С. Кайнакова, 11.10.2001 г.). По народным представлениям, нечисть, встретив человека с *хатыг хуйаахом*, побоится к нему приблизиться.

По традиционным верованиям хакасов, в каждом жилище имеется свой *хуйах*: “Когда человек живет в каком-то доме, то его жилище начинает обладать *хуйах*. В него не может проникнуть ни шаман, ни злые духи” (ПМА, Е.К. Арчимаев, 24.07.2001 г.). Хакасы специально “укрепляли” жилище *хуйаахом* (окуривали, читали молитвы, крестили) – *чурта хуйахтанчалар*. По рассказам стариков, иногда можно услышать голос *айна*: *Э-э, мындара кирерге чарабас, найна хатыг хуйахтыг тура!* – э-э, сюда не стоит заходить, в этом доме очень сильный *хуйах*! Считается, что *айна* боится *хуйах* (ПМА, 2000–2002 гг.). В понимании хакасов дух-хозяин дома, с одной стороны, воспринимался как *хуйах*: *чурт ээзи тинчелер хуйах* – хозяйина жилища называют *хуйах* (ПМА, Силька Сунчугашев, 09.10.2001 г.), с другой – считался обладателем *хуйааха*: *пистин хуйагы пар, чуртан ээзи андыг ох* – у нас есть *хуйах*, у хозяйина жилища он также имеется (ПМА, А.А. Боргоякова, 18.08.2001 г.).

Заключение

Понятие *душа* в традиционных представлениях хакасов соответствует общетюркской концепции множественности душ. Выделяется несколько категорий души: *тын* – душа-дыхание, которая находится с человеком до самой его смерти; *хут* – душа живого человека, являющаяся его полной копией; *сюрню (сюрюн)*, или *сюне*, – душа умершего человека; *харан (харазы)* – душа умершего человека, оставшаяся в доме покойника и вызывающая болезнь у людей; *хубай* – душа погибшего вдали от родного дома; *аан* – душа загубленного ребенка; *юзют* – душа умершего человека, которая полностью ушла в загробный мир; *келетке* – душа-тень человека; *чаан* – эмоциональная составляющая человека; *хытчы* – дух, толкающий человека на плохие поступки. Хакасами особо выделялись такие составляющие человека, как *хагба*, *айгах*, *тегир (тигир)* – ангел-хранитель, или душа-хозяин человека, и *хуйах* – внутренняя сила, оберегающая человека, и его жилище. Таким образом, у хакасов душа воспринималась как комплекс разнообразных психофизических и метафизических характеристик человека.

Список литературы

- Алексеев Н.А.** Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1980. – 250 с.
- Анжиганова Л.В.** Традиционное мировоззрение хакасов: опыт реконструкции. – Абакан: Роса, 1997. – 128 с.
- Баскаков Н.А.** Душа в древних верованиях тюрков Алтая // СЭ. – 1973. – № 5. – С. 108–113.
- Бурнаков В.А.** Душа в традиционных воззрениях хакасов // Гуманитарные науки в Сибири. – 2003. – № 3. – С. 15–19.
- Бутанаев В.Я.** Культ богини Умай у хакасов // Этнография народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 93–105.
- Бутанаев В.Я.** Воспитание маленьких детей у хакасов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. – Л.: Наука, 1988. – С. 206–221.
- Бутанаев В.Я.** Погребально-поминальные обряды хакасов в XIX – начале XX в. // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. – Абакан: Хакасия, 1989. – С. 107–132.
- Бутанаев В.Я.** Традиционная культура и быт хакасов. – Абакан: Хакасия, 1996. – 221 с.
- Бутанаев В.Я.** Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан: Изд-во Хак. гос. ун-та, 1999. – 240 с.
- Бутанаев В.Я.** Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан: Изд-во Хак. гос. ун-та, 2003. – 260 с.
- Дьяконова В.П.** Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. – Л.: Наука, 1975. – 164 с.
- Катанов Н.Ф.** Образцы народной литературы тюркских племен. – СПб., 1907. – 640 с.
- Корусенко М.А.** Представление о душе у сибирских татар // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Издат. дом “Наука”, 2004. – С. 205–209.
- Кызласов И.Л.** Гора – прародительница в фольклоре хакасов // СЭ. – 1982. – № 2. – С. 83–92.
- Левин-Брюль Л.** Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика-Пресс, 1999. – 608 с.
- Майнагашев С.Д.** Загробная жизнь по представлениям турецких племен Минусинского края // Живая старина. – 1915. – № 2, вып. 2/3. – С. 277–292.
- Радлов В.В.** Из Сибири: Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.
- Потапов Л.П.** Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, 1991. – 210 с.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири.** Человек. Общество. – Новосибирск: Наука, 1989. – 242 с.
- Хакасский героический эпос:** Ай-Хуучин. – Новосибирск: Сиб. издат-полигр. и книготорг. предпр. “Наука” РАН, 1997. – 479 с.